

Вестник Европы

1873 том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: 1873 том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 958 с.

ISBN 978-5-517-92192-5

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1873 года

ISBN 978-5-517-92192-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДАНИЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ

РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

Въ послѣднее время археографическая коммиссія предприняла вновь переиздать прежде изданныя ею же лѣтописи. Это предпріятіе окажется наукѣ безспорно услугу, во-первыхъ, потому, что экземпляры прежнихъ изданій нѣкоторыхъ томовъ были изъ продажи, во-вторыхъ, потому, что въ настоящее время предстоитъ возможность набыгнуть тѣхъ недостатковъ и погрѣшностей, безъ которыхъ не обошлись прежнія изданія. До сихъ поръ изданы списки Лаврентьевскій и Ипатскій; въ томъ и другомъ напечатаны цѣликомъ два варианта первоначальной лѣтописи, а затѣмъ въ первомъ изъ этихъ списковъ—Лаврентьевскомъ—лѣтопись Суздальская по списку Лаврентія Мниха, служащая продолженіемъ первоначальной лѣтописи и прерывающаяся 1377-мъ годомъ, и кромѣ того, другая Суздальская же по академическому списку отъ 1205 г. до 1419 включительно; во второмъ спискѣ—Ипатскомъ—продолженіе первоначальной лѣтописи, заключающее въ себѣ кievскую и волынско-галицкую лѣтописи до 1305 г. съ нѣкоторымъ перерывомъ. Въ числѣ улучшеній противъ прежнихъ изданій безъ сомнѣнія слѣдуетъ поставить и то, что оба списка первоначальной лѣтописи изданы цѣликомъ, каждый особо, а не спутаны подстроичными указаніями вариантовъ, какъ то бывало прежде. Выпустивъ лѣтописи въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ могутъ быть доступны большинству, коммиссія возмѣла желаніе удовлетворять еще требованіямъ строгихъ специалистовъ, а потому и кромѣ

того издастъ первоначальную лѣтопись въ фотографическихъ снимкахъ со списковъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго (до сихъ поръ вышли только послѣдній). Это даетъ комиссіи избавиться (впрочемъ по отношенію только первоначальной лѣтописи, а не ея продолженій, которыя для историка, какъ источники, представляютъ равную важность) отъ нареканій со стороны строгихъ судей за раскрытіе титлъ, разстановку знаковь препинанія и замѣны юсовъ и омегъ употребительными въ русскомъ правописаніи соответствующими гласными.

По поводу этихъ изданій мы рѣшились высказать нѣсколько словъ относительно одного изъ элементовъ нашей первоначальной лѣтописи,— высказать нашъ взглядъ на значеніе элемента туземнаго, своеобразнаго, и потому болѣе многого другого для насъ драгоценнаго и незамѣнимаго. Мы разумѣемъ тѣ древнія сказанія, преданія и гѣсногѣнія, которыми воспользовались составители лѣтописи, какъ показываютъ ея признаки. Мы не предпринимаемъ ученаго анализа нашего лѣтописнаго свода отчасти потому, что въ нашей ученой литературѣ есть дѣятели, болѣе насъ способные и свѣдущіе, уже заявившіе себя разработкою подробностей, относящихся къ построенію такого труда, отчасти же и потому, что мы уже заявляли печатно нашъ взглядъ, при которомъ остаемся до сихъ поръ. Припомнимъ только результаты нашихъ прежнихъ изслѣдованій: лѣтопись, называемая Несторовою, никакъ не принадлежитъ, во всемъ своемъ объемѣ, этому писателю, который былъ только лѣтописцемъ Печерскаго монастыря; она состоитъ изъ разныхъ туземныхъ и переводныхъ отрывковъ и составлена въ видѣ цѣлаго свода игуменомъ Сильвестромъ (впослѣдствіи епископомъ переяславскимъ), какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ слѣдующее послѣсловіе: «Игумень Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ надѣясь отъ Бога милость пріяти при князи Владимирѣ князющему въ Киевѣ, а мнѣ въ то время игуменующю у св. Михаила въ 6624 г. индикта 9 лѣта». — Ему, вѣроятно, принадлежитъ разбивка сказаній на годы въ подражаніе византійскимъ приемамъ лѣтописанія.

Если мы станемъ разсматривать отдѣльно ту часть первоначальной лѣтописи, которая обнимаетъ въ себѣ нашу древнюю исторію отъ начала ея до смерти Владимира, то должны будемъ признать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ переводныхъ отрывковъ, договоровъ съ греками, да отдѣльной повѣсти о крещеніи Владимира, все остальное взято (отчасти и въ послѣднюю эту повѣсть) изъ изустныхъ преданій и гѣсногѣній. Иныхъ источ-

никогда невозможно и вообразить. Предположеніе, что такъ какъ славянская грамота уже существовала, то и на Руси могли быть еще до Владимира грамотные люди и записывать дѣянія своего времени, не выдерживаетъ критики. Еслибы такіе грамотные люди вышли за это дѣло, то будучи, вѣроятно, христіанами, они бы на первомъ планѣ поставили судьбу христіанства, его распространеніе, его борьбу съ язычествомъ, но въ нашей лѣтописи ничего подобнаго нѣтъ, и нашъ лѣтописецъ, повидимому, не зналъ о такомъ важномъ событіи, какъ крещеніе русскихъ въ половинѣ IX-го вѣка, о чемъ мы имѣемъ свѣдѣніе только благодаря византійскимъ извѣстіямъ. Это одно уже лишаетъ насъ права допускать возможность веденія лѣтописи или даже составленія какихъ-либо историческихъ описаній во времена господства язычества, однимъ словомъ, такихъ письменныхъ памятниковъ, которые бы послужили источниками для лѣтописи, составленной Сильвестромъ. Очевидно, что мысль вести лѣтописное повѣствованіе могла придти только уже въ такой періодъ, когда въ Киевѣ окрепло христіанство, и вмѣстѣ съ нимъ къ русскимъ до извѣстной степени привились признаки, заимствованные изъ византійскаго культурнаго міра: только тогда и могли русскіе познакомиться съ приемами лѣтописательства, которое у нихъ, при самомъ легкомъ сопоставленіи съ византійскими образцами, отличается перенятое у своихъ просвѣтителей. Достойно замѣчаніе, что лѣтописный трудъ Сильвестра совпадаетъ съ эпохою Владимира Мономаха, которая была самымъ виднымъ пунктомъ во всемъ періодѣ отъ смерти Владимира Святого до разоренія Киева Андреемъ Боголюбскимъ, — періодъ, въ который Русь была близка къ византійскому міру такъ, какъ того не было никогда уже въ ея исторіи. Владимиръ Мономахъ былъ самою блестящею личностію между князьями этого періода. Сынъ греческой царевны, владевшій безъ сомнѣнія греческимъ языкомъ, который былъ знакомъ и многоязычному отцу его Всеволоду, Владимиръ любилъ чтеніе, самъ былъ писателемъ и покровительствовалъ книжному дѣлу. И онъ самъ, и его родные вели сношенія съ Константинополемъ. Греки, прѣзававшіе въ Русь и жившіе въ ней, а равно и русскіе, странствовавшіе въ византійской имперіи — это ради благочестія, это для торговыхъ цѣлей, это отыскивая себѣ счастье въ службѣ императоровъ — поддерживали умственную и нравственную связь Руси съ аллинскимъ міромъ, который, при всемъ своемъ паденіи въ односторонность, все еще заключалъ въ себѣ достаточно культурныхъ элементовъ для пробужденія интеллектуальной жизни въ варварской націи, приходившей съ нимъ въ друже-

ственное соприкосновеніе. Отъ совершенной безграмотности сѣвернаго язычества русскіе замѣчательно быстро шагнули къ духовной и литературной дѣятельности, довольно плодотворной, разумѣется сообразно вѣку и вовсе не баловавшимъ ихъ условіямъ мѣстнаго быта. При всей темнотѣ, какая теперь покрываетъ для насъ внутреннюю жизнь нашихъ предковъ XI-го и XII-го вѣковъ, благодаря послѣдующимъ опустошеніямъ, постигшимъ южную Русь, не только отъ варварства половцевъ, монголовъ, литовцевъ, крымцевъ, но и отъ латинскаго просвѣщенія (извѣстно, что во время уніатскаго фанатизма не только не берегли памятники славянско-русской письменности православной старины, но даже умышленно истребляли ихъ съ религіозно-національными цѣлями), все еще остались кое-какіе признаки этого былого богатства, погибшаго въ большинствѣ для потомства. Не говоримъ уже о томъ, что Русь усвоила себѣ готовый запасъ славяно-болгарской письменности, ни о томъ, что по свидѣтельству, оставшемуся отъ тѣхъ временъ, русскіе могли читать и пророческія бесѣды, и евангельскія ученія, и апостольскія, и житія св. отецъ, въ Руси переводились разныя византійскія сочиненія, какъ то показываютъ слова Григорія, Пандеты Антіоха, Діонтра Филиппа пустыльника. На Руси явились и свои проповѣдники и писатели, какъ Иларіонъ, Іаковъ, Кириллъ Туровскій,—люди, въ литературномъ образованіи которыхъ мы можемъ менѣе сомнѣваться, чѣмъ въ ихъ самобытномъ талантѣ. Все это, конечно, были не единичныя явленія, такъ какъ мы знаемъ о нашей древней южно-русской литературѣ только благодаря тому, что кое-что было списано на сѣверѣ. Переводныя и подражательныя сочиненія въ сферѣ византійской церковности не исчерпывали всей литературной дѣятельности русскихъ. Подобно тому, какъ въ сферѣ церковнаго управленія Русь, хотя и создала надъ собою законность первенства царградскаго патріарха, но не дозволяла Византіи черезчуръ сѣсть себѣ на плечи (чему можетъ служить примѣромъ двуератное избраніе природныхъ русскихъ въ митрополиты мимо посвященія у патріарховъ), такъ и въ умственной сферѣ Русь, хотя и усвоивала образцы византійскіе, но не всецѣло приносила имъ въ жертву собственные идеалы. Рядомъ съ одностороннею богомольно-монашескою литературою, мы встрѣчаемъ слѣды литературы живой, самородной, національной. Таковы были пѣсни Бояна, которыя раздавались въ Руси именно въ эпоху Владимира Мономаха, судя по тѣмъ намѣкамъ, какіе дѣлаетъ пѣвецъ Игоря о ихъ сохраненіи. Этотъ послѣдній преемникъ «вѣщаго соловья» стараго времени, или вѣрнѣе, одинъ изъ неизвѣстныхъ для насъ его пре-

емниковъ, своимъ произведеніемъ показываетъ, что въ такого рода литературныхъ явленіяхъ, въ какому принадлежитъ его твореніе, русскій духъ не только не былъ рабски скованъ византійскими узами, но даже шелъ къ разрѣзъ съ византійскимъ направле-ніемъ, хотя и черпалъ изъ того же источника книжнаго обра-зованія; русскій духъ не гнушался древней языческой стариной и приѣмами ея поэтическаго творчества: крещенные русскіе люди услаждали свой слухъ преданіями и пѣснями, составлявшими до-стояніе некрещенныхъ предковъ. Пѣвцы на ширахъ и братчинахъ пѣли о старыхъ временахъ и дѣяніяхъ, въ пѣсняхъ и изустныхъ разсказахъ жила прошлая исторія, грамотные люди не стыди-лись, какъ должно думать, передавать ихъ и писанію. Суровые аскеты неблагоклонно относились къ пѣсни, потому что она была признакомъ мірскаго веселія, но не могли уничтожить пѣсни, какъ не могли всѣхъ заставить промѣнять наслажденіе жизнью на скорбь покаянія. Кіевскій князь сдѣлалъ уступку св. Θεодосію, удаляя отъ себя пѣвцовъ и игрецовъ, когда являлся къ нему сподвижникъ, но призывалъ ихъ опять въ себѣ, когда правоучитель удалялся въ свою обитель. Но и благочестивые люди должны были съ своей стороны дѣлать уступки. Не всѣ стали, да и по человѣческой природѣ не всѣ могли стать на такую точку зрѣнія, чтобы считать достойнымъ вниманія только монастырь и молитву; они обращали свое вниманіе и къ мірскимъ дѣламъ, самое византійское образованіе побуждало ихъ знать, что дѣлалось и дѣлается въ мірѣ; и въ благочестивой Греціи видѣли они примѣръ того способа, какимъ тамъ описывали не только церковныя, но и мірскія событія; они узнали, что тамъ существо-вали хронографы, гдѣ излагалась исторія не только христіан-скихъ, но и языческихъ царей. Естественно было желаніе при-ложить и эту сторону духовнаго труда къ своему отечеству, какъ прилагали въ нему то, что встрѣчали въ области вѣры. Если греки, учителя, описывали свои старыя дѣянія, то почему и русскимъ, ихъ ученикамъ, того же не дѣлать у себя? Прочи-танные въ переводѣ хронографы Амартола и Малалы достаточно могли побудить русскаго мыслящаго человѣка къ намѣренію со-ставить нѣчто подобное для своего отечества.

Мы не беремъ отвѣчать на вопросъ, первый ли Сильвестръ, составивъ свою лѣтопись, описывалъ дѣянія своихъ предковъ до водворенія христіанства, или же вписалъ въ нее уже прежде сдѣланныя другимъ кѣмъ-нибудь описанія, такъ какъ вопросъ этотъ не представляетъ въ своемъ разрѣшеніи, такъ или иначе, большой важности въ томъ отношеніи, въ какомъ мы рассматри-

васмъ способъ обращенія лѣтописцевъ къ своимъ источникамъ. Дѣло въ томъ, что кто бы онъ ни былъ, но, будучи благочестивымъ христіаниномъ, онъ долженъ былъ обратиться именно къ тому, что оуждалъ монашескій взглядъ — къ пѣснямъ и преданіямъ. Другого источника важнѣе для него не представлялось, и всѣ иные источники, письменные, могли служить ему только дополнительными или вспомогательными средствами. И онъ по-неволѣ къ нимъ обратился, хотя и передавалъ ихъ содержаніе въ сокращеніи, какъ предписывало ему желаніе избѣгать тѣхъ приемовъ, въ какихъ передавали ихъ пѣвцы и рассказчики, приемовъ неприличныхъ для благочестиваго книжника. Такимъ-то путемъ первые русскіе книжные люди пришли къ необходимости сохранить для потомства все-вакіе слѣды нашей древней исторической поэзіи. Разсмотримъ по частямъ отдѣльно то, что сообщила намъ эта самородная русская поэзія.

I.

Преданіе о переселеніи славянъ.

Преданіе самое древнее, и едва ли не самое важное во всей лѣтописи, есть преданіе о переселеніи славянъ съ береговъ Дуная въ нынѣшнюю Россію. Событіе это положило зародышъ русскому народу, всей его судьбѣ и, можно сказать, опредѣлило съ известной стороны характеръ всей нашей исторіи. Событіе это намъ исторически извѣстно только изъ нашего лѣтописца. Онъ не указываетъ точно времени, когда оно совершилось; для него оно произошло въ такое отдаленное время, о которомъ онъ никакъ не могъ сдѣлать соображеній на основаніи извѣстныхъ ему фактовъ изъ хронографовъ, которые онъ могъ читать, но тѣмъ не менѣе онъ указываетъ не только самое событіе, но и его причину. На славянъ напали волохи и овладѣли ихъ землею; славяне не хотѣли быть въ порабощеніи у насильниковъ, двинулись изъ дунайскихъ странъ къ сѣверу и начали заселять западную полосу нынѣшней европейской Россіи, отъ устья Днѣстра и береговъ черноморскихъ до Ладожскаго озера и до предѣловъ Балтійскаго моря. Способъ, каковымъ изложилъ лѣтописецъ это событіе, достоинъ замѣчанія и служитъ ручательствомъ, что при передачѣ его не участвовалъ вымыселъ не только лица, которое его записало, но даже и того вѣка, къ которому принадлежало это лицо. Способъ этотъ очень простъ и ограничивается самыми об-

щими чертами, въ какихъ только и могло сохраниться въ памяти многихъ поволѣній слишкомъ древнее событіе, когда уже всё его болѣе или менѣе подробныя черты не только дѣйствительны, но даже и вымышленныя, какими безъ сомнѣнія оно изъбравалось прежде, изгладились или, по крайней мѣрѣ, сошли съ своего первоначальнаго фона и перемѣнились съ чертами другого рода. Что это дѣйствительно древнее преданіе, а не какою-нибудь книжное измышленіе, это подтверждаетъ для насъ и теперь значеніе Дуная въ поэтическомъ языкѣ народа; имя Дуная извѣстно Руси какъ нарицательное имя большой рѣки; это имя раздается въ хороводныхъ пѣсняхъ, носящихъ несомнѣныя признаки глубокой старины, пѣсняхъ, распѣваемыхъ одними поволжскими за другими, на обширномъ пространствѣ и въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ утвердительно можно сказать, что ихъ обитатели никогда не имѣли непосредственнаго соприкосновенія съ дунайскими странами. Никогда невозможно предполагать случайнаго, позднѣйшаго занесенія; отъ эпохи лѣтописца до нашего времени прошло уже почти десять вѣковъ, и въ это долгое время русскій народъ испыталъ слишкомъ много переворотовъ, и вслѣдствіе разныхъ историческихъ и географическихъ условий подвергался измѣненіямъ въ своемъ существѣ несравненно болѣе, чѣмъ въ періодъ, прожитый имъ до времени занесенія въ лѣтопись преданія о его первоначальномъ поселеніи на русской почвѣ, какъ бы ни былъ продолжителенъ этотъ періодъ. Поэтому не удивительно, что въ настоящее время вмѣстѣ съ пѣснями, въ которыхъ народъ уже бессознательно поетъ о Дунаѣ, о родинѣ своихъ прародителей, онъ уже не выскажетъ ясно такого преданія, что эти прародители когда-то повинули берега Дуная, уйдя отъ какихъ-то волоховъ; но въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ это преданіе еще существовало, какъ видно, хотя и тогда уже отъ него оставался только скелетъ — за то эта была дѣйствительная истина, освобождавшаяся отъ примѣси фантазіи.

Съ древними преданіями совершается таковой процессъ: по мѣрѣ удаленія отъ эпохи событія, подробности преданія, принимаютъ болѣе или менѣе вымышленныя черты, иногда доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ, смотря по свойству событія и условіямъ быта, черезъ который преданіе переходитъ. Но когда уже пройдетъ слишкомъ много времени, подробности станутъ отдѣляться, разлагаться, приростать къ другимъ преданіямъ и образамъ, и наконецъ исчезать совершенно; и отъ всего преданія остается одно общее, такъ-сказать—скелетъ, и это-то часто бываетъ историческою истинною. Въ такомъ положеніи, намъ кажется, было и

преданіе о переселеніи славянъ, когда его записалъ лѣтописецъ, и это, можно сказать, была его свѣтлая сторона, благопріятная для объективной истины: такое положеніе избавляетъ насъ отъ вопросовъ, которые бы, возникая, способствовали не разъясненію, а затемнѣнію предмета. Теперь, напротивъ, достаточно ясно, потому что просто... Отыскивать волоховъ въ томъ или другомъ племени, народѣ, гоняться для отысканія ихъ за этимологическими сходствами, едва ли бы не было болѣе празднымъ педагогствомъ, чѣмъ ученою пытливостію. Названіе «волоховъ» чересчуръ общеизвѣстно. Славяне этимъ именемъ издавна называли и теперь называютъ итальянцевъ, а также они перенесли это имя и на потомковъ итальянскихъ поселенцевъ въ Дакии, образовавшихъ, чрезъ свое смѣшеніе съ иными племенами, особый народъ румыновъ. Лѣтописецъ, говоря о волохахъ, разумѣлъ не какой-либо особый неизвѣстный, можетъ быть, мифическій народъ; это ясно изъ того, что, указывая жительство варяговъ (уже принявшихъ тогда въ народномъ способѣ русскаго выраженія значеніе западныхъ европейцевъ—нѣмцы) онъ упоминаетъ о землѣ волошской на западѣ, и подъ нею, вѣроятнѣе всего, слѣдуетъ разумѣть Италію; въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ болѣе точно хочетъ показать прежнее отечество славянъ, откуда ихъ выгнали волохи, онъ говоритъ, что въ его время въ этихъ странахъ находятся земли угорская и болгарская. Какими бы путями ни приходило слово «волохъ», откуда бы оно ни вышло, прежде чѣмъ приросло къ итальянцамъ, и наконецъ, въ какомъ бы отношеніи это слово ни находилось въ глубочайшей древности къ кельтійскому племени (по созвучію слова «волохъ» съ стариннымъ *Walh*, *Walch*, староангл. *Vēalh*), но, какъ намъ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что лѣтописецъ, внося въ свою лѣтопись глубоко-древнее преданіе объ изгнаніи славянъ съ береговъ Дуная волохами, сознательно понималъ подъ этими волохами, во-первыхъ, ближе всего тѣхъ итальянскихъ колонистовъ, которые образовали румынскій народъ и специально получили у славянскихъ народовъ названіе волоховъ или валаховъ; во-вторыхъ же, настоящихъ итальянцевъ, отъ которыхъ произошли означенные дунайскіе поселенцы. Волохи въ смыслѣ румыновъ были одно и то же, что волохи въ смыслѣ итальянцевъ въ ту эпоху, когда славяне принуждены были убѣгать отъ ихъ насилій. По представленію, образовавшемуся у лѣтописца на основѣ народнаго преданія, пришли волохи и завладѣли землею славянскою (пріяша землю словенску); славяне, не желая терпѣть насилія отъ волоховъ, уходили на сѣверъ, искать новыхъ жилищъ, однако не всѣ славяне

такимъ образомъ ушли съ береговъ Дуная; другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, подчинившись волохамъ, и жили вмѣстѣ съ послѣдними, а когда угры, ворвавшись черезъ горы въ нынѣшнюю Венгрію, осѣли въ ней, то имъ пришлось воевать разомъ и волоховъ и славянъ (почаща воевати на живущая ту волохи и словѣни): понятно, что лѣтописецъ, говоря такимъ образомъ, не признавалъ, чтобъ переселеніе славянъ съ Дуная, убѣгавшихъ отъ насилія волоховъ, было всеобщимъ; славяне продолжали жить и размножаться въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, это событіе было никакъ не перемѣщеніе племени, а расширение его жительства. Нападеніе волоховъ на славянъ есть не что иное, какъ завоеваніе римлянами по-дунайскихъ странъ; когда одни славяне поворялись своей судьбѣ и оставались въ подчиненіи пришельцамъ, другіе убѣгали искать себѣ иного, независимаго отечества. Переселеніе славянъ совершалось, конечно, не за однимъ разомъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; кто сильно почувствуетъ тягость условій на прежнемъ мѣстѣ, тотъ убѣгаетъ, побуждаемый предшествовавшими примѣрами своихъ собратій, и въ свою очередь увлекаетъ другихъ своимъ примѣромъ; впрочемъ, самое массивное переселеніе, какъ кажется, послѣдовало во время завоеванія Дакии Траяномъ, и быть можетъ нашихъ предковъ можно искать въ тѣхъ сарматахъ, ушедшихъ массаами въ сѣверу, о которыхъ сохранились римскія извѣстія, подтверждаемая наглядными изображеніями на траяновой колоннѣ. Мы не думаемъ искать славянъ вездѣ, гдѣ только ни говорилось о сарматахъ; но такъ какъ послѣднее названіе стало болѣе географическимъ, чѣмъ опредѣленно этнографическимъ, то подъ именемъ «сарматы» могли скрываться и славяне. Во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что римское завоеваніе понуждало народы переселяться массаами изъ своего прежняго отечества въ отдаленныя страны, очень важенъ для историческаго значенія преданій объ уходѣ славянъ съ Дуная въ страны нынѣшней Россіи, случившемся по поводу нашествія на нихъ волоховъ.

Намъ кажется не только не страннымъ, но даже очень естественнымъ то обстоятельство, что событіе, которымъ начиналась исторія славянъ на русской почвѣ, отпечатлѣлось въ памяти потомковъ болѣе, чѣмъ многіе послѣдующіе перевороты, постигавшіе переселенцевъ въ ихъ новомъ отечествѣ. Лѣтописецъ, какъ видно, былъ менѣе знакомъ съ письменными историческими памятниками, чѣмъ съ родными преданіями, и до него, какъ видно, не дошло ничего ни о готскомъ завоеваніи, ни о временахъ

Аттилы. У нашего лѣтописца нѣтъ ни малѣйшаго намѣка на эти отдаленныя событія. Поэтому мы полагаемъ, что въ ту эпоху, когда онъ жилъ, уже не оставалось въ народѣ преданій объ нихъ, по крайней мѣрѣ въ такой степени выразительныхъ, чтобы они могли дать лѣтописцу поводъ сказать объ нихъ два-три слова. А между тѣмъ, преданіе объ уходѣ славянъ съ Дуная было до того живо, что лѣтописецъ сообщалъ его вкратцѣ, но съ такими признаками, по которымъ есть возможность найти о чемъ говорить онъ. Это, главнымъ образомъ, произошло оттого, что славяне-переселенцы въ дальнѣйшей своей исторіи уже во времена своего пребыванія на русской почвѣ долго находились въ такихъ условіяхъ, что первоначальный приходъ ихъ не давалъ себя забывать, а напротивъ, многое безпрестанно и постоянно напоминало имъ о томъ, что они пришельцы въ той землѣ, гдѣ живутъ. Подвигаясь и расселяясь все далѣе и далѣе и сталкиваясь съ народами иныхъ племенъ, славяне должны были шагъ за шагомъ въ борьбѣ съ ними овладѣвать своимъ новымъ отечествомъ. Ихъ встрѣчало два рода иноземцевъ: одни осѣдлые, но слабые и духомъ и сплоченіемъ; они бѣжали отъ пришельцевъ, вымирали подъ ихъ нашествіемъ, или же сливались съ ними, утрачивая свою прежнюю народность и усвоивъ славянскую;—другіе, кочевые, воинственные—мѣшали славянамъ устаниваться и развиваться. Пока славяне не успѣли поглотить однихъ, покорить или отбить другихъ, сознаніе въ томъ, что они пришельцы на своей землѣ, не могло въ нихъ угаснуть. Въ послѣдующія времена оно не терялось оттого, что площадь, которую успѣли славяне занять, исключительно была уже очень обширная, массы осѣдлыхъ славянъ перестали уже видѣть во кругъ себя сторонниковъ иного племени и потому забывали, съ одной стороны, что на землѣ, гдѣ они живутъ, обитали другія племена, а съ другой,—что сами они на эту землю пришли откуда-то, забывали оттого, что ничто не поддерживало въ нихъ такихъ воспоминаній, ничто такое не бросалось имъ въ глаза, что бы говорило имъ постоянно, что они пришельцы. Известно, что у русскаго народа и теперь есть свои понятія о Россіи: находясь въ предѣлахъ русскаго государства, русскій человѣкъ называетъ «Россією» ту часть ея, гдѣ онъ видитъ сплошное русское населеніе, и будучи въ краѣ, гдѣ встрѣчается осѣдлое значительное населеніе иного племени, не считаетъ уже этого края Россією, и русскіе люди, тамъ живущіе, имѣютъ сознаніе о своемъ приходѣ, воспоминанія и преданія, хотя иногда и тусклія. Тамъ на сѣверѣ Россіи, тамъ, гдѣ еще есть